

«Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ

Владимир Гельман, Дмитрий Травин*

«Дилемма одновременности» и российский ответ

В 1991 году немецкий социолог Клаус Оффе, рассуждая о проблемах, стоявших перед посткоммунистическими странами, заметил, что масштаб реформ в этих обществах не имел аналогов в мировой истории в силу одновременности различных модернизационных процессов. В самом деле, им необходимо было в относительно краткосрочной перспективе трансформировать (1) имперское национально-государственное устройство – в современные национальные государства, (2) централизованную плановую систему – в свободную рыночную экономику, и (3) однопартийный политический режим – в конкурентную демократию. Оффе отмечал, что если страны Западной Европы решали все эти задачи модернизации последовательно (и отнюдь не всегда успешно) на протяжении веков и десятилетий, то посткоммунистическим странам Восточной Европы и бывшего СССР одновременно пришлось столкнуться с «тройным переходом», проводя трудные и болезненные реформы на всех этих аренах сразу, «здесь и теперь». Соблазн растянуть преобразования во времени, выстроить их последовательность в цепочку (сперва рынок, затем демократия, или наоборот) или вовсе отказаться от реформ был слишком велик. По мнению Оффе, «дилемма одновременности» заключалась в том, что, несмотря на все очевидные сложности и вызовы, лишь одновременное проведение демократизации и рыночных реформ могло принести посткоммунистическим странам относительно быстрый успех, в то время как попытки решать эти задачи «шаг за шагом» грозили лишь усугублением кризисов.¹

Оценивая опыт посткоммунистических стран по прошествии двух с лишним десятилетий, можно сказать, что «дилемма одновременности» была решена более или менее успешно в восточноевропейских странах, в 1990-е годы создавших демократические политические режимы и рыночную экономику и ставших членами Европейского союза. Что же касается России, то ее траектория экономических и политических преобразований оказалась иной. Скорее, она напоминала фигуру, которую с легкой руки Бориса Ельцина стоило бы именовать «загогулиной». В самом деле, период 1985-1991 годов в СССР ознаменовался кардинальной либерализацией и демократизацией политического режима, становлением гражданских и политических свобод, конкурентных выборов, парламентаризма и партий. Вместе с тем, рыночные преобразования в стране проводились крайне непоследовательно, назревшие радикальные реформы откладывались, и в конечном итоге нараставший экономический кризис сыграл ключевую роль в полном коллапсе советской системы. В то же время, период 1991-1999 годов с точки зрения последовательности реформ выступал почти полной противоположностью: начатые правительством либеральные рыночные реформы сопровождались глубоким и длительным спадом, который сменился ростом, лишь начиная с 1999 года. В итоге, хотя российская экономика и стала рыночной и позднее, в 2000-е годы демонстрировала немалые успехи, сегодня ее едва ли можно охарактеризовать как свободную. Напротив, политическая демократизация, начатая в период перестройки, в 1990-е годы оказалась остановлена, затем свернута, а потом и вовсе сведена на нет.

Что же повлекло за собой такое развитие событий в российском случае? Почему «дилемма одновременности» не была решена в нашей стране? Что вызвало изменения повестки дня российской модернизации за полтора десятилетия: приоритет демократизации над рынком

* Статья опубликована в журнале «Неприкосновенный запас», 2013, №4, С.14-38. Работа выполнена в рамках проекта Choices of Russian Modernization при поддержке Академии наук Финляндии.

¹ Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research, 1991, vol.58, N4, P.865-892.

в 1985-1991 годах и рыночные реформы в ущерб демократии в 1991-1999 годах? В нашей статье мы сперва рассмотрим различные объяснения этого феномена, а затем предложим собственную альтернативную интерпретацию «загогулины» российской модернизации конца XX века, связанную с эффектами смены поколений реформаторов. Мы полагаем, что повестка дня реформ периода перестройки (1985-1991) формировалась под влиянием идейных ориентаций поколения «шестидесятников» и в известной мере служила продолжением либеральных интенций хрущевской «оттепели» (не предполагавшей рыночных реформ, да и в целом не уделявшей экономике большого внимания). Напротив, повестка дня периода реформ (1991-1999) выстраивалась поколением «семидесятников», которые были прагматично ориентированы на строительство рынка как средство избавления от пороков советской экономики, но при этом чужды идеям демократии. Кардинальная смена поколений реформаторов, совпавшая с распадом СССР, породила смену повестки дня российской модернизации, оказавшую немалое воздействие на последующую траекторию развития страны. Разрыв между политическими и экономическими преобразованиями не был преодолен в России и в 2000-е годы, и он по-прежнему остается в центре противоречий и в 2010-е.

Демократизация vs. рыночная экономика в России: от поколения к поколению

Дискуссии о причинах и следствиях реформ 1985-1999 годов в СССР и России, наверное, будут длиться еще не одно десятилетие, как в силу масштаба преобразований в стране, так и в силу неоднозначности их оценок.² Не стремясь охватить все аспекты этих дискуссий, выделим лишь те суждения, которые касаются объяснений феномена «загогулины» с точки зрения последовательности экономических и политических реформ.

Самое популярное (и самое простое) объяснение состоит в том, что последовательность преобразований носила структурный характер – проще говоря, она была вызвана объективными факторами и не зависела от роли и желания политических акторов.³ Так, Егор Гайдар, отвечая на упреки критиков, писал о том, что принятие новой конституции и проведение выборов новых органов власти после падения коммунистического режима в 1991 году были невозможны на фоне краха советской экономики и могли лишь усугубить проблемы страны.⁴ Необходимо было срочно запускать рыночные реформы, отложив на время политические преобразования. Если даже подобного рода аргументы уместны как объяснение тех или иных шагов в конкретные «критические моменты» российских реформ, они едва ли пригодны для анализа последовательности преобразований в целом. Тот же Горбачев и его команда, по крайней мере, в первые годы перестройки имели немалую свободу рук в выборе своих стратегических целей и механизмов осуществления реформ: в 1986-1987 годах никто не вынуждал их идти по пути гласности – это был выбор, сделан-

² Мы едва ли можем привести целостную библиографию, поэтому ограничимся лишь ссылками на некоторые работы: Согрин В. Политическая история современной России, 1985-2001. М.: Весь мир, 2001; Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999; Шейнис В. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике. М: Московский центр Карнеги, 2005; Aslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed. Washington, DC: Peterson Institute, 2007; McFaul M. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001; Shleifer A., Treisman D., Without a Map: Political Tactics and Economic Reforms in Russia. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. Наши собственные оценки см.: Травин Д. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985-1999. СПб: Норма, 2010; Гельман В. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб: БХВ-Петербург, 2013 (в печати).

³ См., например: World Development Report 1996: From Plan to Market. Washington, DC: World Bank, 1996.

⁴ См.: Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.

ный самими лидерами.⁵ Напротив, в те же годы советское руководство во многом игнорировало тревожные сигналы о кризисе советской экономики на фоне спада мировых цен на нефть, и не просто откладывало принятие непопулярных решений о либерализации розничных цен, но какое-то время не придавало этой проблеме должного внимания до того момента, когда кризис приобрел неустранимый характер.⁶ Как минимум, следует предположить, что, выбирая между теми или иными альтернативами, советские и российские политические акторы принимали во внимание не только и не столько объективные возможности и последствия своих действий, но и ориентировались на субъективное восприятие ими ситуации, которое к тому же было помножено на крайне высокую неопределенность, вызванную и самими процессами быстрых перемен в стране и мире, и слабыми знаниями о происходящем в советском и российском обществе.

Другое, также весьма популярное объяснение последовательности реформ в России конца XX века связывает их с индивидуальными интересами различных политических акторов, приписывая им решающую роль в принятии ряда стратегических решений – таких, как, например, действия Ельцина в ходе роспуска СССР в 1991 году или разгона парламента в 1993 году.⁷ Разумеется, максимизация власти является ключевым мотивом в действиях любых политиков, и было бы нелепым отрицать этот аспект при анализе сделанных ими шагов. Однако, если обратить внимание на непреднамеренные последствия действий российских реформаторов, то легко обнаружить, что их эффекты оказались далеки от желаемых. Горбачев, инициировав проведение частично конкурентных выборов на Съезд народных депутатов СССР в марте 1989 года, столкнулся с феноменом «опрокидывающих выборов», которые превратились в референдум по вопросу о недоверии советскому политическому строю и нанесли мощный удар по авторитету самого Горбачева.⁸ Ельцин, пообещавший накануне начала либерализации цен, в октябре 1991 года, что ситуация в экономике начнет улучшаться через год, не мог даже представить себе, что спад будет продолжаться семь лет и завершится дефолтом 1998 года.⁹ Ни Горбачев, ни Ельцин, ни Гайдар, ни другие российские реформаторы конца XX века, по большому счету, так и не извлекли политических выгод из осуществленных ими преобразований как в политике, так и в экономике: плоды реформ достались отнюдь не им самим. Напротив, тот же Горбачев мог бы вполне безбедно дожить в должности генсека ЦК КПСС даже вплоть до наших дней, ничего не меняя в политическом устройстве Советского Союза. В данном случае поправки на субъективное восприятие ситуации и на эффекты неопределенности выглядят тем более необходимыми.

На наш взгляд, при анализе логики российских преобразований стоит согласиться с теми специалистами, которые уделяют особое внимание ключевой роли идей и идеологий (мы будем употреблять эти термины как синонимы) в процессе формирования повестки дня посткоммунистической модернизации конца XX века и принятии ряда ключевых решений в ее ходе.¹⁰ Так, Стивен Хэнсон и Генри Хейл независимо друг от друга делают выводы о

⁵ См., в частности: Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006; свидетельства в пользу этого тезиса содержат и мемуарные источники: Горбачев М. Жизнь и реформы. Книги 1-2. М.: Новости, 1995; Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. М.: Прогресс, 1993; Медведев В. В команде Горбачева: взгляд изнутри. М.: Былина, 1994, и др.

⁶ См.: Travin D., Marganiya O. Resource Curse: Rethinking the Soviet Experience // Resource Curse and Post-Soviet Eurasia / V.Gel'man, O.Marganiya (eds.). Lanham: MD: Lexington Books, 2010, P.40-45.

⁷ См., например: Шевцова Л. Ук. соч., McFaul M. Op. cit.

⁸ Об «опрокидывающих выборах» см.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991, P.174-180; о выборах на Съезде народных депутатов см.: Весна 89: география и анатомия парламентских выборов / под ред. В.Колосова, Н.Петрова, Л.Смирнягина. М.: Прогресс, 1990.

⁹ См.: Ельцин Б. Президентский марафон. М.: АСТ, 2000.

¹⁰ См., например: Appel H. A New Capitalist Order: Privatization and Ideology in Russia and Eastern Europe. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1994.

том, что низкая значимость идеологий в постсоветской России повлияла и на слабость партийной системы, и на не слишком серьезное отношение российских избирателей к идеологическим ориентациям политиков и партий.¹¹ Мы, однако, склонны рассматривать идеологии не столько в философско-теоретическом плане (как набор теоретических доктрин, таких, как социализм или либерализм), сколько в экономически-прикладном ключе. Вслед за Дугласом Нортом, мы считаем, что идеология представляет собой способ восприятия проблем, выполняющий позитивные и нормативные функции.¹² Она позволяет минимизировать количество необходимой для принятия решений информации (что особенно важно на фоне высокой неопределенности),¹³ вынести суждение о соответствии существующего положения дел их идеалам, и наметить пути возможного приближения действительного к желаемому. Иначе говоря, идеология представляет собой «разделяемую ментальную модель»,¹⁴ которая помогает актерам формировать приоритеты повестки дня и в целом предпринимать те или иные действия на основе имеющейся информации. Нет необходимости подчеркивать, что «ментальные модели» в советском обществе довольно сильно отклонялись от официально признанной доктрины – коммунистической идеологии.

Наш подход к анализу роли идеологий в процессе российских реформ конца XX века отличается не только различием в определении идеологии, но и иным взглядом на объект нашего анализа. Многие авторы, говоря об идеях и мировоззрении тех или иных акторов, уделяют основное внимание политическим лидерам и их представлениям. Об этом много пишут биографы Горбачева (такие, как Арчи Браун)¹⁵ и Ельцина (например, Тимоти Колтон)¹⁶ и другие политические аналитики от Лилии Шевцовой¹⁷ до Дэниела Трейсмана.¹⁸ Столь узкий фокус на фигурах «первых лиц» (при всей их значимости) не только обедняет понимание логики преобразований, но и неверен фактически. Ни перестройка, ни реформы 1990-х годов (точно так же, как и любые другие крупномасштабные модернизационные проекты), не были, да и не могли быть продуктом действий одних лишь лидеров страны, а попытки объяснить их противоречия процессами личными характеристиками конкретных деятелей (вплоть до проблем со здоровьем Ельцина) ведут к неоправданному преувеличению «роли личности в истории». В то же время, многочисленные мемуарные источники и другие документальные свидетельства дают нам основания утверждать, что «команды» лидеров страны, состоявшие как из официальных членов руководства, занимавших высокие посты, так и из помощников, советников и иных приближенных лиц, играли ничуть не меньшую роль в выработке и реализации политического курса на всех стадиях.¹⁹ Точно так же, как «прорабы перестройки» во главе с Александром Яковлевым стали творцами гласности и либерализации ничуть не в меньшей, а то и в большей мере, нежели Горбачев, так и Егор Гайдар и Анатолий Чубайс сыграли в реформах 1990-х годов,

¹¹ Hanson S. *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Hale H. *Why Not Parties in Russia? Federalism, Democracy, and the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

¹² North D. *Structure and Change in Economic History*. New York: W.W.Norton, 1981, P.49.

¹³ Hinich M.J., Munger M.C. *Ideology and the Theory of Political Choice*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1994.

¹⁴ Denzau A., North D. *Sharing Mental Models: Ideologies and Institutions* // *Kyklos*, 1994, vol.47, N1, P. 3-31.

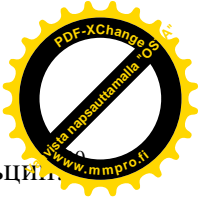
¹⁵ Brown A., *The Gorbachev Factor*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

¹⁶ Colton T. *Yeltsin: A Life*. New York: Basic Books, 2008.

¹⁷ Шевцова Л. Ук. соч.

¹⁸ Treisman D. *The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev*. New York: Free Press, 2011.

¹⁹ См., например: Черняев А. Ук. соч.: Батулин Ю. и др. *Эпоха Ельцина*. М.: Вагриус, 2001; Филатов С. *Совершенно не секретно*. М.: Вагриус, 2000; Гилман М. *Дефолт, которого могло не быть*. М.: Время, 2009, и др.

пожалуй, большую роль, нежели занимавший в те годы пост главы государства Ельцин. Поэтому в центре нашего внимания находятся не столько персоналии лидеров страны, сколько их «команды» и те социальные среды, с которыми те были связаны.

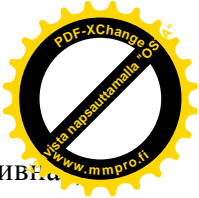
Такая смена оптики анализа обусловлена спецификой взаимодействий различных агентов процесса модернизации – и не только в современной России. Выработка политического курса и реализация политики в современных обществах редко становится результатом усилий лишь одних лидеров; да и ключевые правительственные чиновники, министры, ответственные за политику в той или иной сфере, определяют приоритеты и стратегии своих действий не сами по себе, а под воздействием своего окружения, своих ценностей и установок, сформированных, как правило, задолго до попадания на высокие посты. Если же говорить о «командах» лидеров, то речь идет не только об индивидуальных идеях и предпочтениях отдельных деятелей, но и коллективных ценностях и приоритетах, которые разделяются значительной частью этих группировок на определенном этапе их карьер. Примерами такого рода могут служить «команда Гайдара», отличавшаяся в начале 1990-х годов довольно близкими взглядами и установками,²¹ или сегодняшние «силовики» из окружения Владимира Путина, чье вполне последовательное и целостное мировоззрение сильно отличает их от значительной части российской элиты.²² Разумеется, со временем эти взгляды могут меняться достаточно сильно, что находит свое отражение в кардинальных различиях оценок недавнего прошлого со стороны самих ключевых участников событий. И тем не менее, не будет слишком сильным преувеличением рассматривать коллективные «ментальные модели» ключевых участников процессов российских реформ конца XX века как один из факторов, в немалой степени повлиявших на ход процессов модернизации страны, а в известной мере – и на его результаты.

С этой точки зрения, два этапа российской модернизации конца XX века – перестройка 1985-1991 годов и реформы 1991-1999 годов – представляют собой едва ли не уникальный пример почти полной одномоментной смены управленческих «команд» в руководстве страны (отдельные исключения, когда одни и те же персоны занимали ключевые посты на обоих этапах – например, Виктор Геращенко – лишь подтверждают правило). Отчасти эта перегруппировка была вызвана спецификой политической борьбы и персональным противостоянием между Горбачевым и Ельциным, не доверявшим членам горбачевской «команды» и не склонным без крайней на то необходимости опираться на их опыт и идеи (опыт Евгения Примакова на посту премьер-министра России в 1998-1999 годах оказался, пожалуй, единственным примером такого рода). Но отчасти смена управленческих «команд» в России после 1991 года стала побочным продуктом другого процесса, который был вызван, скорее, объективными причинами – процесса смены поколений. В данном случае, говоря о поколениях, мы отходим от признанной традиционной социологической интерпретации этого явления. Для целей нашего анализа ключевыми являются не столько рамки возрастных характеристик, сколько общность сочетания политического контекста и коллективного опыта представителей поколений, существенным образом повлиявшего на формирование и эволюцию их «ментальных моделей» и последующее их воплощение в те или иные политические действия. Следует также оговориться, что речь идет не столько о поколениях в целом (состоящих из представителей разных социальных групп и слоев), сколько о той их части, которая может быть причислена к представителям элит, то есть тех, кто участвовал в подготовке и принятии важнейших политических и управленческих

²⁰ См., в частности: Shleifer A., Treisman D. Op. cit.; Aslund A. Op. cit.; Ясин Е. Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. См. также: Гайдар Е., Чубайс А. Развилки недавней истории России. СПб: Норма, 2011.

²¹ См., в частности: Гайдар Е. Дни поражений и побед; Колесников А. Анатолий Чубайс: биография. М.: АСТ, 2008. См. также цикл публикаций и интервью «Змеиная горка», опубликованных Полит.ру в 2006-2010 годах <http://polit.ru/tag/zmeinka/> (доступ 30.04.2013).

²² См., например: Афанасьев М. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: фонд «Либеральная миссия», 2009.

решений на различных уровнях. Именно эта (наиболее влиятельная и наиболее активная) часть российского общества, в конечном итоге определяла курс модернизации страны, в то время как большинство жителей страны в этих процессах были если не зрителями, то, как минимум, статистами.

«Шестидесятники» и «семидесятники»: «люди вина» vs. «люди уксуса»?

Действительно, перестройка 1985-1991 годов реализовывалась, прежде всего, поколением политиков, управленцев и общественных деятелей, которых в России принято называть «шестидесятниками». К этому поколению мы далее относим тех персонажей, становление политических воззрений и развитие профессиональных и общественно-политических карьер которых пришлось на период между XX съездом КПСС в 1956 году и подавлением «Пражской весны» в 1968 году. С одной стороны, хрущевская «оттепель» и связанные с ней Большие надежды на успешное развитие страны сформировали (и/или существенно изменили) мировоззрение самых разных героев перестроечной поры, включая и самого Горбачева, и его ближайших соратников, и ряда деятелей оппозиции (таких, как Юрий Афанасьев или Гавриил Попов). С другой стороны, «застой», охвативший страну в период правления Брежнева, не только надолго задержал восхождение многих представителей этого поколения по карьерной лестнице, но и надолго сделал неактуальными многие их идеи, сформированные в период «оттепели»: поколение «шестидесятников» пережило своего рода «замораживание». Когда постаревшие на два десятилетия «дети XX съезда», оказались в период перестройки на авансцене общественной и политической жизни страны, то их «ментальные модели» во многом отражали систему координат, заданную коллективным опытом периода 1956-1968 годов со всеми присущими ей достоинствами и недостатками. Суммируя, можно утверждать, что эта система координат ориентировалась на частичные изменения сложившихся в СССР политических и экономических отношений (при приоритете первых над вторыми), а не на их полный пересмотр и замену. Помимо ограниченности и одностороннего характера опыта «оттепели» как такового,²³ эта система координат также не могла учитывать и изменения, произошедшие со времен «оттепели» в стране и мире: «шестидесятники» пошли в перестройку как в последний бой своей (уже прошедшей) войны, вооруженные не только весьма догматическими, но и устаревшими «ментальными моделями». Неудивительно, что этот бой, в конечном итоге, был ими проигран. Примечательно, что, за отдельными исключениями (как, например, Евгений Ясин, занимавший видные посты в российском правительстве в 1990-е годы), «шестидесятники» после 1991 года оказались практически не востребованы в управлении страной, и не только в силу возрастных ограничений, но и из-за того, что провозглашавшиеся ими идеи сами по себе были дискредитированы.

Напротив, реформы 1991-1999 годов по большей части разрабатывались и воплощались в жизнь представителями поколения «семидесятников», чье взросление и вхождение в активную профессиональную деятельность пришлось на период между событиями 1968 года и началом перестройки («длинные 1970-е годы», как принято их называть в России).²⁴ В противоположность «шестидесятникам», представители этого поколения сформировали свои воззрения в обстановке общественного упадка, нарастающего цинизма и всеобщей неудовлетворенности положением дел в стране. Не только официально признанные идеи советской эпохи были дискредитированы, но и сама по себе преданность идеологиям (вне связи с их конкретным содержанием) была подвергнута пересмотру: «детям застоя» было

²³ Элементы критической рефлексии в этой связи см., например: Шестидесятники / сост. Барбакадзе М. М.: фонд «Либеральная миссия», 2007.

²⁴ См., в частности: Длинные 70-е: советское общество в 1968-1982 годы // Неприкосновенный запас, 2007, №2(52) (специальный выпуск журнала) <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/> (доступ 30.04.2013).

изначально не во что верить и не на что особенно надеяться.²⁵ Материальные стимулы и устремления на фоне стагнации и последующего кризиса советской экономики в такой ситуации попросту не могли преобладать над всеми иными соображениями, и потому не приходится удивляться тому, что экономическая повестка дня для «семидесятников» оказалась безусловно приоритетной. Что же до политического устройства общества, то оно в лучшем случае рассматривалось ими инструментально, как средство для реализации экономического курса, если не как помеха на пути рыночного благополучия как страны, так и своего собственного. Присущие им прагматизм и ориентация на персональный успех помогли части «семидесятников» воспользоваться жизненными шансами, открывшимися в период перестройки и в последующие годы. Если для одних представителей этого поколения эти шансы были (успешно или нет) реализованы в сфере бизнеса, то для других продвижение вверх по карьерной лестнице обусловили шаги на поприще политики и управления. Если многим представителям «шестидесятников» приходилось ждать своего часа на протяжении двух десятилетий «застоя» вплоть до тех пор, пока поколение, находившееся у власти во времена Брежнева, не ушло на покой или в мир иной,²⁶ то для ряда «семидесятников», напротив, был характерен довольно быстрый карьерный взлет, не всегда обусловленный предшествующим опытом. Тезис о вчерашних «завлабах», которые в силу стечения обстоятельств в период «лихих» 1990-х годов почти случайно оказались более влиятельными фигурами, нежели возрастные «генералы» индустрии, академики или опытные бюрократы, не слишком далек от реальности.²⁷ Однако такого рода перемены не столь уж редки в ходе радикальных преобразований в различных обществах, и наиболее талантливые и/или удачливые представители «семидесятников» (хотя отнюдь не многие) смогли в этой ситуации извлечь максимальные выгоды для себя. Более того, следует иметь в виду, что именно представители поколения «семидесятников» и по сей день возглавляют нашу страну, занимая ключевые позиции в политике и в бизнесе, и нет оснований ожидать, что в ближайшие годы они уступят свое доминирующее положение представителям более молодых поколений.

В своем романе «Смерть Вазир-Мухтара» Юрий Тынянов провел межпоколенческое различие «людей вина», сформировавшихся в атмосфере общественного подъема после Отечественной войны 1812 года, и «людей уксуса», чьи карьеры развивались вскоре после подавления восстания декабристов в 1825 году.²⁸ Смена политического климата в России после 1825 года не только нанесла непоправимый удар по поколению «людей вина», но и отложила модернизацию страны на три десятилетия, пока не подошло к концу время «людей уксуса». Предложенная Тыняновым дихотомия во многом адекватна и для поколений XX века – «шестидесятников» и «семидесятников», каждое из которых в конечном итоге получило свой шанс на воплощение в жизнь собственных идей. Сходным образом, водоразделом между поколениями второй половины XX века послужило, с одной стороны, подавление «Пражской весны» 1968 года в Чехословакии, имевшее кардинальные последствия не только для советской внешней политики, но и для смены внутривнутриполитического климата в стране, а с другой стороны, распад СССР в 1991 году. Это событие не только

²⁵ См.: Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. Подход одного из авторов к феномену поколения 1970-х представлен в работе: Травин Д. Семидесятнудые – анализ поколения. Препринт М-25/11, СПб: издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

²⁶ Кардинальная смена элит на всех уровнях руководства СССР была осуществлена лишь в период перестройки, в 1985-1987 годах, когда многие «шестидесятники» находились уже в весьма зрелом возрасте.

²⁷ См., в частности: Васильев С. Интеллектуальная подготовка реформ 90-х. Стенограмма лекции (Москва, Политехнический музей, 8 декабря 2011) <http://lectures.gaidarfund.ru/articles/1152> (доступ 30.04.2013).

²⁸ Тынянов Ю. *Смерть Вазир-Мухтара*. // Тынянов Ю. Сочинения, т.2. М.: Художественная литература, 1985, С.7-8.

обозначило конец прежней политической и экономической системы, но и положило конец попыткам «шестидесятников» ее реформировать, одновременно дав «семидесятникам» возможности для построения новой системы на руинах старой. Но почему и как «шестидесятники» потерпели полное поражение, в то время как сменившие их семидесятники добились лишь частичной реализации своей программы, так что результат их усилий едва ли можно было охарактеризовать как «историю успеха»? Для ответа на этот вопрос кратко обозначим основные положения идей обоих поколений и основные вехи и механизмы их реализации в периоды перестройки второй половины 1980-х и реформ 1990-х.

«Шестидесятники» и перестройка: последние «истинно верующие»²⁹

У «шестидесятников» в период становления их мировоззрения еще не было возможности по-настоящему разочароваться в социализме. После кончины Иосифа Сталина (1953) и развенчания культа личности советского вождя на XX съезде КПСС (1956) многим представлялось, что проблемы страны связаны лишь с жестокостью и незаконностью репрессий, а не с сутью социального строя как такового. Весьма популярным тогда было обращение к идеям Владимира Ленина без тех искажений, которые в них внесли теоретики сталинизма. Подобный идейный поворот был связан, в частности, с тем, что из Гулага возвращались чудом выжившие «бойцы ленинской гвардии». Юным шестидесятникам они часто виделись героями и образцами для подражания. А в мировоззрении «бойцов», естественно, не было места ни капитализму, ни буржуазной демократии, с которыми они сражались в ходе революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны.

На протяжении периода «оттепели» (фактически он продолжался до 1968 года), шел поиск различных форм организации общества без отказа от социализма. Обоснованность таких поисков подтверждалась, казалось бы, и тем, что принадлежавшие к социалистическому лагерю страны Центральной и Восточной Европы также не стремились вернуться к капитализму. В этих странах опробовались в той или иной степени разного рода идеи – усиление самостоятельности предприятий, рабочее самоуправление, рост производства предметов потребления, расширение внутрипартийной демократии и даже умеренный национализм, который явно не соответствовал марксистскому пролетарскому интернационализму. Однако нигде всерьез не рассматривались ни идеи приватизации с тотальным возвращением к частной собственности, ни идеи жесткой конкуренции вплоть до банкротств отдельных предприятий, ни идеи реальной многопартийности, чреватой для коммунистов потерей власти, завоеванной в ходе революций.

Даже наиболее далеко зашедшие реформаторы в этих странах были своими корнями связаны именно с социализмом, а не с капитализмом. Например, при трансформации югославской экономики в направлении рыночного социализма и самоуправления Иосип Броз Тито, Милован Джилас, Эдвард Кардель, Борис Кидрич ориентировались, так или иначе, на идеи Маркса³⁰. А чешский реформатор эпохи пражской весны Ота Шик прямо отмечал, что никто из реформаторов тогда не думал о возврате к капитализму. Шик по сути дела лишь в ходе реформ впервые побывал на Западе (во Франции) и посмотрел, как там живут люди³¹.

В Советском Союзе немного знали о тех экспериментах с социализмом, которые осуществлялись в Югославии, Чехословакии, Венгрии или Польше. Общество, скорее, ждало возвращения к ленинизму, нежели присматривалась к происходящему за рубежом. Однако

²⁹ Лучшими исследованиями, посвященными «шестидесятникам», являются книги: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996; Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940 – 1960-е годы: История, теория и практики. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

³⁰ Sirc L. The Yugoslav Economy under Self-management. New York: St.Martin's Press, 1979, P. 1-3, 15-16, 40.

³¹ Шик О. Весеннее возрождение – Иллюзии и действительность. М.: Прогресс, 1991, С.17.

в элитах – среди интеллектуалов и в некоторой части партийного аппарата – интерес к опыту «братских компартий», бесспорно, имелся. И этот опыт не мог показать чего-то иного, нежели попытки выстроить так называемый «социализм с человеческим лицом». Более того, следует принять во внимание, что во времена советской «оттепели» на Западе также доминировали представления о необходимости постепенного увеличения доли государства в экономике. Росли социальные расходы. В некоторых странах приобрели большую силу коммунистические партии. В экономической науке доминировало кейнсианство, которое среди советских экономистов хоть и считалось буржуазной (а, значит, неправильной) теорией, однако свидетельствовало об интересе к государственному регулированию хозяйства. Таким образом, даже наиболее образованные советские «шестидесятники», следившие за событиями Пражской весны, читавшие Кейнса и симпатизировавшие идеям еврокоммунизма, могли, скорее, размышлять о том, как совершенствовать роль государства к экономике, сохраняя достижения социализма, чем о том, чтобы уменьшать роль государства, возвращаясь к рынку и частной собственности.

Наконец, время оттепели для Советского Союза совпало с большим интересом к кибернетике, которую раньше сталинисты трактовали как буржуазную лженауку. Естественно, реабилитация этой науки, наметившаяся в середине 1950-х гг., поначалу должна была придать «запретному плоду» особую сладость. Молодежь, увлекавшаяся кибернетикой, связывала с ней чересчур большие надежды. В том числе в экономике. Энтузиастам казалось, что с помощью совершенных компьютеров можно оптимизировать государственное управление так, что не понадобится уже никакой рынок. Иными словами, социализм, вооруженный совершенными вычислительными машинами, рассматривался как передовой социального строя, тогда как капитализм с рынком, частной собственностью, безработицей и кризисами – как «вчерашний день», к которому не следует возвращаться даже несмотря на эксцессы трагической сталинской эпохи.

Подобное мировоззрение многие «шестидесятники» сохраняли вплоть до начала эпохи перестройки, провозглашенной Михаилом Горбачевым, а то и позднее. И сам Горбачев, в первую очередь, позиционировал себя в качестве социалиста. «Ленину я доверял, доверяю и сейчас», – отмечал он даже в 2006 году, то есть уже после того, как Россия двинулась по пути, далекому от ленинизма³². Идеи, воспринятые в молодости, не так-то легко впоследствии трансформировать³³.

Естественно, этот вывод не стоит воспринимать упрощенно. Немало людей, сформировавшихся в годы оттепели, ко времени перестройки существенно расширили свой интеллектуальный багаж и представляли собой цвет советской интеллигенции.³⁴ Но в целом, положение дел в стране с 1968 по 1985 годы способствовало не расширению знаний и трансформации сложившегося ранее мировоззрения, а, скорее, их консервации. Поскольку ни экономика, ни политическая система не развивались, то советские интеллектуалы не получали новых данных и новых стимулов для анализа. Реальность не демонстрировала проблем, характерных для социализма с человеческим лицом. Он по-прежнему представлялся светлым будущим, которое должно прийти на смену обществу, несущему в себе явные рудименты сталинизма. И ключевыми дискуссиями для «шестидесятников» были дискуссии со сторонниками социализма старого, то есть не допускавшего ни самостоятельности предприятий, ни внутрипартийной демократии. Острые полемики было обращено в прошлое, и тех проблем, которые ставила перед человечеством вторая половина XX века, «шестидесятники» по-настоящему ощутить не могли. Более того, любые дискуссии, кроме так называемых «кухонных разговоров» (бесед в узком кругу на кухнях малогабаритных советских квартир) должны были приспособливаться к советской идеологиче-

³² Горбачев М. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006, С.15.

³³ Подробнее о становлении мировоззрения советского лидера говорится в его мемуарах: Горбачев М. Жизнь и реформы, книга 1.

³⁴ См.: Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2003.

ской цензуре. Они всегда велись «эзоповым языком». В них многое недоговаривалось и упоминалось намеками, чтобы исключить наказание за нелояльность властям или за отклонение от «единственно верной» марксистской науки. Понятно, что качество дискуссии в подобных условиях не могло быть высоким.

Кроме того, эволюции идей «шестидесятников» препятствовало отсутствие возможности для воплощения слова в дела. Дискуссии о преобразованиях в СССР, которые велись с середины 1950-х до середины 1980-х годов, практически ничем не заканчивались. Соответственно, для участников этих дискуссий четкое формулирование своей позиции, изложение взглядов (хотя бы в узком кругу) и, наконец, публикация текста, написанного, возможно, эзоповым языком, превращались в самоцель. Распространение идей, альтернативных «генеральной линии» партии, было важнее их воплощения в жизнь: о практическом применении своих идей, о том, чтобы стать настоящими реформаторами, «шестидесятники» вряд ли всерьез думали, поскольку времена будущих реформ казались им невероятно далекими. Поэтому все силы, весь талант, вся страсть «шестидесятников» обращались на то, чтобы перехитрить советский режим и высказаться³⁵. Их не могло интересовать, как высказанные идеи станут работать на практике. Им вряд ли часто приходила в голову мысль о том, что порой в практической деятельности для получения результата нужно отказываться от большей части своих идей и идти на многочисленные компромиссы. То есть, осуществлять не то, что годами формировалось в виде теории, а то, что практически возможно сделать в данный момент времени.

В силу этого идейного наследия, с началом перестройки Советский Союз как будто вернулся вдруг на некоторое время в эпоху оттепели. «Шестидесятники» заняли ключевые позиции во властных структурах. Они доминировали в журналистике. Они предлагали ключевые научные концепции развития общества. Они стали основными «властителями дум», поскольку именно к этому поколению принадлежали наиболее популярные писатели, режиссеры, артисты, эссеисты, регулярно высказывавшиеся в прессе по вопросу о том, как следует дальше жить стране³⁶.

Поэтому в первые годы перестройки одним из ключевых лозунгов был «больше демократии, больше социализма», подразумевавший возвращение к ленинским нормам демократии – с внутрипартийными дискуссиями, но одновременно и с пресечением всего того, что не соответствовало марксизму. Ленин был главным кумиром эпохи. Его человечность принято было противопоставлять сталинской бесчеловечности. Его ораторские способности – брежневскому неумению выступать без бумажки с написанным на ней текстом речи. Его образованность – тупости и безграмотности, свойственной правителям, вышедшим из рабочих и крестьян (например, такому как Никита Хрущев).

В экономике перестройка обратилась к такой популярной идее времен оттепели, как рабочее самоуправление. Югославские коммунисты практиковали его еще с 1950-х годов, и теперь советские реформаторы решили, что появилась, наконец, возможность осуществить эту модель на практике и в СССР. При этом некоторые важные проблемы, выявившиеся за годы существования югославской системы рабочего самоуправления,³⁷ фактически так и не стали предметом серьезных дискуссий среди советских экономистов и государственных деятелей. То, что было хорошо известно зарубежным ученым, серьезно

³⁵ Самые высокопоставленные «шестидесятники» – спичрайтеры партийных лидеров стремились даже включать прогрессивные идеи в официальные документы и речи, произносившиеся на съездах и пленумах: Бовин А. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. Колесников А. Спичрайтеры. Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. М.: АСТ, 2007.

³⁶ Подробнее о наиболее ярких «шестидесятниках» говорится в книге: Травин Д. Путинская Россия: от рассвета до отката. СПб: Дело, 2008, глава 1.

³⁷ Adičes I. Industrial Democracy, Yugoslav Style: The Effect of Decentralization on Organizational Behavior. New York: Free Press, 1971; Bićanić R. Economic Policy in Socialist Yugoslavia. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

изучавшим социализм в 1960-е – 1980-е годы, вряд ли хоть как-то осмысливалось советской наукой.

Среди «шестидесятников» было много ярких, талантливых людей, способных нестандартно мыслить. Среди них было много людей мужественных, которые в брежневские годы, так или иначе, противостояли советской системе³⁸. Либо открыто критикуя власть, либо, чаще, отыскивая возможность принести пользу обществу, не порывая полностью с советской системой. К примеру, писатели и режиссеры вкладывали скрытый смысл в книги, фильмы, спектакли, стремясь привить читателям и зрителям любовь к свободе, несмотря на цензуру, ограничивавшую творчество.

Не виной, а бедой «шестидесятников» оказалось то, что они по своим знаниям и по своему мировоззрению были недостаточно готовы использовать те возможности трансформации общества, которые предоставила перестройка. Это проявилось не только в политике, но особенно ярко в бизнесе. Поколение «шестидесятников» приняло участие в первоначальном накоплении капитала и в номенклатурной (спонтанной) приватизации, при которой государственное имущество фактически разворовывалось. Именно «шестидесятникам» проще всего было обогатиться в годы перестройки, поскольку они занимали ключевые посты в партии, государственном управлении и на предприятиях. Однако среди ключевых фигур российского бизнеса представителей этого поколения оказалось чрезвычайно мало. В силу различных причин они не смогли добиться практического результата. Одни не были столь циничны и прагматичны, чтобы впрямую заняться расхищением собственности. Другие в принципе готовы были это делать, но на всю жизнь впитали в себя страх перед милицией, прокуратурой, госбезопасностью. Третьи активно участвовали в номенклатурной приватизации, но ограничились малым, поскольку даже не могли себе представить возможных масштабов личного обогащения. Четвертые попытались стать миллионерами и миллиардерами, но проиграли в борьбе за власть и собственность своим более молодым и прагматичным конкурентам – иногда тем, которых сами же взрастили.³⁹

А эти молодые – так называемые «семидесятники» – во многом смотрели на вещи по-другому. В силу объективных обстоятельств они оказались гораздо более приспособлены к тому, чтобы не просто рассуждать о социализме, реформах, бизнесе и так далее, а добиваться хотя бы небольшого практического результата. Однако идеи и ценности «детей» оказались далекими от ориентиров «отцов».

«Семидесятники» и реформы: политика без иллюзий

«Семидесятники» формировались в совершенно иных условиях, нежели «шестидесятники». Если в эпоху оттепели молодым людям казалось, что позитивные преобразования социализма возможны в самой ближайшей перспективе, то в 1970-х подобных надежд уже не было, а потому подрастающее поколение этого времени должно было учиться жить сегодняшним днем. Без мечты о светлом будущем. Или, точнее, каждый должен был сам для себя сформировать мечту, то есть конкретную цель, а затем постараться достигнуть ее в рамках советского строя. При тех правилах игры, которые задавали коммунистические лидеры страны.

³⁸ См., в частности: Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006. Арбатов Г. Человек системы. М.: Вагриус, 2002. Буковский В. И возвращается ветер... М.: Захаров, 2007. Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М.: РИК «Культура», 1997. Горелик Г. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М.: Вагриус, 2004. Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 2000. Лацис О. Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

³⁹ Яркие описания карьер российских бизнесменов на фоне процессов смены поколений см., например: Hoffman D. The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia. New York, Public Affairs, 2002; Gustafson T. Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012.

Подобные жизненные условия объективно способствовали развитию прагматизма, а в многих случаях и цинизма. Добиться своей цели можно было, лишь молчаливо соглашаясь с нормами советской системы и выполняя все предписанные ритуалы – сидеть в офисах под портретами вождей, ходить на демонстрации с красными флагами, отдавать детей в молодежные коммунистические организации (октябрята, пионеры, комсомол).⁴⁰ В ряде случаев для карьерного успеха надо было обязательно вступать в коммунистическую партию. Естественно, среди «семидесятников» были маргиналы, старавшиеся остаться внутренне свободными и уклониться от следования любым коммунистическим ритуалам. Эти люди становились дворниками, сторожами, кочегарами котельных, в связи с чем в России даже возникло выражение «поколение дворников и сторожей».⁴¹ Однако это выражение не отражает сути событий, происходивших в 1970-е. Основная масса молодых людей, естественно, приспосабливались к задаваемым политическим режимом условиям, не желая влачить нищенское существование без возможности прокормить семью и детей.

Яркий «семидесятник» Илья Южанов (российский министр по антимонопольной политике в 1999 – 2004 годах) в беседе с одним из авторов образно сформулировал суть мировоззрения своего поколения.⁴² Он отметил, что в юности жизнь представлялась ему чем-то вроде эскалатора в советском метро. Длинная лестница медленно везет тебя вверх. Резкие карьерные взлеты невозможны. С возрастом успешный человек постепенно переходит на более высокие должности. Но при этом он обязан соблюдать правила поведения, чтобы не свалиться вниз. Другой представитель этого поколения, генерал-полковник ФСБ Виктор Черкесов (глава федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, 2003 – 2008) отмечал в беседе с одним из авторов, что советская идеология была для него чем-то вроде сигнальной лампочки, постоянно горящей в помещении: ты к ней со временем привыкаешь и просто не обращаешь на свет никакого внимания. Зачем нужна эта лампа, неизвестно. Но кто-то вышестоящий, наверное, знает, почему она должна гореть днем и ночью. Антон Губанков (глава комитета по культуре правительства Санкт-Петербурга, 2008 – 2011) характеризовал автору свое отношение к идеологии несколько по-другому. Определенная артистичность натуры помогала ему воспринимать обязательные советские ритуалы как своеобразную игру. Успех в этой игре позволял молодому человеку постепенно продвигаться вперед.

«Семидесятники», формировавшиеся в крупных городах, росшие в элитарной среде и воспитывавшиеся в хороших школах с углубленным изучением математики или иностранных языков обычно формировали свое прагматичное отношение к жизни сравнительно рано. Они хорошо знали, как устроена реальная жизнь в СССР, и не обращали внимания на идеологию уже в ранней юности. «Семидесятники», формировавшиеся в провинции, в военных городках или в пролетарской среде мегаполисов, могли до какого-то времени всерьез воспринимать советскую идеологию и размышлять о совершенствовании социализма. Однако, оказавшись в иной среде (особенно в университетской), они постепенно трансформировали свои взгляды под воздействием более информированных сверстников. О такой эволюции своих взглядов, например, рассказывал одному из авторов Алексей Кудрин (министр финансов России, 2000 – 2011).

Помимо этого, некоторые различия в мировоззрении «семидесятников» могли определяться еще и временем их появления на свет. Те, кто родились в первой половине 1950-х, представляли собой поначалу «поздних шестидесятников». Однако их постепенно форми-

⁴⁰ Владимир Путин в детстве был хулиганом, и его даже своевременно не приняли в пионеры. Однако затем он, видимо, осознал существующие в обществе правила игры и резко изменил свое поведение, что позволило окончить школу, поступить в университет и сделать успешную карьеру в КГБ. Об этом он сам рассказывает в книге: От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000, С.19-20.

⁴¹ Строка из песни Бориса Гребенщикова.

⁴² Здесь и далее использованы фрагменты интервью, проведенных Дмитрием Травиным в рамках авторского проекта, часть материалов которого см.: Травин Д. Семидесятнугые.

рующим взглядом на совершенствование социализма трудно было закрепиться после провала оттепели. Под воздействием жизненных реалий они, как правило, отходили от «шестидесятничества», трансформировали свои представления о жизни и становились «семидесятниками». Например, Александр Беляев (глава Санкт-Петербургского городского совета, 1991 – 1993) рассказывал одному из авторов, что в молодости серьезно интересовался еврокоммунизмом и был сторонником социализма с человеческим лицом. Однако впоследствии как политик Беляев отличался прагматизмом и стоял на либеральных позициях. А «семидесятники», родившиеся во второй половине 1950-х и в 1960-х, вообще не знали оттепели и не участвовали в дискуссиях о социализме. Эти люди с раннего детства видели только брежневский Советский Союз, не суливший светлых перспектив в обозримом будущем. Поэтому они, как правило, сразу становились прагматиками, не испытывая никакого соблазна «шестидесятничества».

Прагматизм «семидесятников» мог принимать различные формы: от абсолютно циничного приспособления к существующей политической системе ради успешной карьеры и высокой зарплаты до стремления стать квалифицированным специалистом в определенной конкретной области. Как то, так и другое, хорошо сочеталось с равнодушием к коммунистической идеологии. Надо было не мечтать о совершенствовании или, тем более, трансформации, советской системы, не строить «воздушные замки», а добиваться конкретных результатов «здесь и теперь». Для одних «семидесятников» эти результаты выражались в возможности лучше обустроить свою жизнь в материальном смысле, для других – в том, чтобы получить признание коллег и уважать самого себя за достигнутые успехи. Оба этих направления часто пересекались: высокая квалификация, достойная зарплата, успешная карьера и безразличие к коммунистической идеологии вполне успешно сочетались между собой.

Однако безразличие «семидесятников» к официальной идеологии отнюдь не означало их полную нечувствительность к любым идеям. Просто сами эти идеи ими воспринимались через призму прагматических интересов, то есть не как цели развития всего общества, а как средства достижения их собственных целей – не более того, но и не менее. «Семидесятники» поддерживали идеи рыночных реформ как средства избавления от неэффективности советской экономики и повышения жизненного уровня. А вот идеи демократии, вышедшие на передний план в конце 1980-х, были восприняты ими как минимум неоднозначно. Если политическая либерализация как средство снятия наиболее бессмысленных и раздражавших запретов (ограничение доступа к информации, возможностей поездок за рубеж и т.д.) сама по себе ими одобрялась, то представления о демократии как о власти народа, разделении властей, защите прав меньшинств и т.д. вызывали у них (в отличие от романтически настроенных «шестидесятников») смешанную реакцию. Тем более, что на фоне усугублявшегося кризиса прежней системы в период перестройки длинные и подчас бесплодные дискуссии на общеполитические темы все чаще воспринимались как бесполезная «говорильня». Неудивительно, что, в противоположность «дилемме одновременноности» Оффе, частью «семидесятников» были подхвачены широко обсуждавшиеся в период перестройки тезисы о необходимости рыночных реформ в условиях жесткого авторитарного режима (на практике так и не реализованные после коллапса СССР).⁴³

Если бы в СССР с приходом к власти Горбачева не начались радикальные перемены, «семидесятники», возможно, так и остались бы лишь успешными специалистами в своих узких областях. Однако перестройка создала для использования их прагматизма и профессионализма лучшие условия, чем для использования качеств, отличавших «шестидесятников». Хороший экономист-«семидесятник» в изменившихся обстоятельствах быстро осваивал рыночные правила игры, формировал собственный бизнес. Хороший инженер-производственник четко видел ту рыночную нишу, которое могло занять его предприятие,

⁴³ См., например: Жестким курсом... Аналитическая записка Ленинградской ассоциации социально-экономических наук // Век XX и мир, 1990, №6, С.15-19.

а потому стремился принять активное участие в приватизации своего завода. Похожим образом обстояло дело и с теми «семидесятниками», которым довелось принимать самое непосредственное участие в реформировании советской политической и хозяйственной системы.

В России эту небольшую группу принято называть командой Егора Гайдара. Они пришли к власти в ходе смены системы и распада СССР в 1991 году благодаря Борису Ельцину и взяли на себя реформирование экономики. «Семидесятники», в отличие от «шестидесятников», имели устойчивые профессиональные контакты с зарубежными экономистами и основательно изучали опыт осуществления преобразований в странах Центральной и Восточной Европы⁴⁴, а также Латинской Америки.⁴⁵ «Семидесятники» не стремились совершенствовать социализм, а изначально взяли ориентир на формирование либерального рыночного хозяйства с частной собственностью, конкуренцией и открытостью экономики. Они имели свои сложившиеся взгляды на то, как следует осуществлять преобразования и какую экономику надо построить в результате реформ.⁴⁶ Однако – и это также отличало их от «шестидесятников» – легко готовы были адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и при необходимости легко шли на компромиссы для того, чтобы добиться возможного, и ориентировались на краткосрочные задачи, а не на заоблачное «светлое будущее». Иначе говоря, реформаторы – «семидесятники» готовы были, скорее, заполучить синицу в руках, нежели ловить журавля в небе.

Отчасти этим обстоятельством можно объяснить отмечавшийся специалистами феномен российских реформ 1990-х годов: по ряду важных вопросов реформирования экономики команда Гайдара чересчур легко сдавала свои позиции, надеясь на тактический выигрыш от компромиссов и стремясь получить желаемый результат в иных сферах.⁴⁷ Она, например, под давлением сильных лоббистов согласилась отступить от антиинфляционного курса, мотивируя это, в частности, необходимостью сохранить свои позиции при проведении приватизации предприятий. В то же время сам курс приватизации также подвергся значительным компромиссам. Чрезвычайно большие преимущества в сравнении с первоначальными намерениями получили инсайдеры – трудовые коллективы предприятий и возглавляющие их директора.⁴⁸ Но в итоге кампания массовой приватизации действительно была осуществлена полностью, став в ходе экономических реформ одной из очень немногих кампаний, которые действительно были доведены до логического завершения: собственностью приватизированных предприятий стали распоряжаться акционеры, а не государственные чиновники. Однако политические издержки такого варианта проведения реформ оказались довольно велики (не только для самих реформаторов, но и для страны в целом), а после смены курса правительства в 2000-е годы на смену приватизации пред-

⁴⁴ Васильев С. Хозяйственные реформы в Югославии: развитие и кризис экономического самоуправления. СПб: ЛФЭИ, 1991.

⁴⁵ В частности, в апреле 1991 года некоторые из участников команды Гайдара по приглашению Института свободы и развития посетили Чили, где знакомились с опытом рыночных реформ, проведенных в период правления Аугусто Пиночета.

⁴⁶ См., например: Васильев С., Львин Б. Социальные механизмы экономической реформы и характер переходного процесса // Постигание / под ред. Бородкина Ф. и др. М.: Прогресс, 1989, С.409-421; Гайдар Е. Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990.

⁴⁷ В целом сочувственные, но довольно критические оценки политических маневров правительства Гайдара см., например: Aslund A. Op. cit.; Shleifer A., Treisman D. Op. cit.; куда более резкая критика подходов команды Гайдара представлена, в частности, в работах: Шевцова Л. Ук. соч.; Reddaway P., Gliniski D. *The Tragedy of Russian Reforms: Market Bolshevism Against Democracy*. Washington, DC: United States Institute of Peace, 2001.

⁴⁸ Об инсайдерской приватизации в России и ее последствиях см., в частности: Паппэ Я., Галухина Я. *Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономическая хроника 1993-2008*. М.: ГУ-ВШЭ, 2009; Barnes A. *Owning Russia: The Struggle over Factories, Farms, and Power*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006; Adachi Y. *Building Big Business in Russia: The Impact of Informal Corporate Governance Practices*. London: Routledge, 2010.

приятый пришла их частичная национализация, и результаты реформ во многом оказались пересмотрены.⁴⁹ Что же касается идейных ориентиров самих реформаторов, то они также претерпели значительные изменения в ходе реформ. Сегодня среди «семидесятников», включая участников бывшей команды Гайдара, можно найти сторонников самых различных политических течений и экономических взглядов.⁵⁰

Не вдаваясь в обширную полемику о том, возможны ли были иные варианты проведения экономических и политических реформ в России в 1990-е годы, и можно ли было осуществить их более успешно, нежели это сделали реформаторы – «семидесятники», отметим, что черты поколения наложили немалый отпечаток на траекторию преобразований. В то время как продолжительные дискуссии уступили место конкретным мерам, выбор приоритетов и средств достижения целей осуществлялся ими, исходя из прагматической повестки дня: представления не о желаемом, а о возможном, краткосрочный горизонт планирования, гибкость и склонность компромиссам сочетались с их готовностью и умением добиваться поставленных целей. Кроме того, неудачный опыт предшественников – «шестидесятников», упустивших свой (оказавшийся последним) шанс на преобразование прежней системы в эпоху перестройки, давал реформаторам – «семидесятникам» ясный сигнал того, как поступать не следует. В такой ситуации подходы «отцов» и «детей» почти неизбежно оказывались зеркально перевернутыми, в том числе и в отношении выбора последовательности преобразований экономической и политической системы. Если для «шестидесятников» идеи демократизации были приоритетными, то «семидесятники» ставили их на задний план, отодвигая «на потом» (хотя и не отказывались полностью), в то время как рыночные реформы оказались в центре повестки дня 1990-х годов, в отличие от периода перестройки, когда экономические преобразования откладывались вплоть до момента полного краха прежней системы. «Семидесятники» извлекли уроки из прежнего опыта и смогли ценой немалых издержек достичь своих целей, но их успех оказался как минимум неполным и частичным.

Политическая и экономическая модернизация: смена поколений и смена идеологий

Несколько огрубляя, можно утверждать, что две стадии российской модернизации конца XX века – политические реформы периода перестройки и экономические реформы 1990-х годов стали проектами, реализованными сменяющимися друг друга поколениями реформаторов – «шестидесятников» и «семидесятников». Смена этих поколений с присущими им идеями, на наш взгляд, стала одним из важнейших факторов, оказавших непосредственное влияние на повестку дня модернизационных преобразований конца XX века и механизмы их реализации. Разумеется, этот фактор был далеко не единственным: помимо структурных ограничений, немалую роль в формировании повестки дня и стратегии реформ играла и их зависимость от предшествующего пути. Тем же реформаторам – «семидесятникам» в 1990-е годы достались в наследие руины прежней системы, рухнувшей, в том числе, и под воздействием непродуманных преобразований, начатых их предшественниками – «шести-

⁴⁹ Об изменениях взаимоотношений государства и бизнеса в России в 2000-е годы см., в частности: Hanson S., Teague E. Big Business and the State in Russia // *Europe-Asia Studies*, 2005, vol.57, N5, P.667-680; Yakovlev A. The Evolution of Business-State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture // *Europe-Asia Studies*, 2006, vol.58, N7, P.1033-1056; Gel'man V. The Logic of Crony Capitalism: Big Oil, Big Politics, and Big Business in Russia // *Resource Curse and Post-Soviet Eurasia: Oil, Gas, and Modernization*. V.Gel'man, O.Marganiya (eds.). Lanham, MD: Lexington Books, 2010, P.108-115.

⁵⁰ См.: Змеиная горка. <http://polit.ru/tag/zmeinka/> (доступ 30.04.2013). Спектр позиций и мнений бывших участников команды Гайдара простирается от радикального противника нынешнего режима, либертарианца и последовательного критика курса экономических реформ 1990-х годов Андрея Илларионова до экономического советника президента Путина, последовательного этириста и сторонника масштабного государственного вмешательства в экономику Сергея Глазьева.

десятниками». В целом, межпоколенческие различия идеологии и стратегии модернизации страны представлены в таблице 1

[Таблица 1 здесь]

Итоги обоих этапов российской модернизации конца XX века оказались в итоге далеки от тех идеалов, которые разделяли представители обоих поколений реформаторов. Хотя «шестидесятикам» в эпоху перестройки удалось сделать рывок на пути демократизации политического режима, но идеи социализма с человеческим лицом оказались недостижимы, прежняя экономическая система, а вслед за ней и вся страна в целом пережили полный коллапс, а само поколение было дискредитировано и вскоре сошло с политической сцены. Хотя «семидесятники» смогли построить в России рыночную экономику, но идеи либерального конкурентного капитализма так и не были воплощены в жизнь, политическая система вскоре эволюционировала во все более авторитарном направлении, страна от реформ сдвинулась к поддержанию «стабильности», которая в некоторых своих проявлениях напоминает «застой», а само поколение, представители которого находятся сейчас у власти в стране, вряд ли способно к осуществлению дальнейших преобразований. Таким образом, проекты обоих этапов реформ были воплощены в жизнь лишь отчасти, а в достигнутых результатах сами реформаторы далеко не всегда способны были узнать свои замыслы. Поэтому не приходится удивляться и критическому отношению немалой части самих реформаторов обоих поколений к результатам собственной деятельности, и тому, что сегодняшнее переосмысление ими прежнего опыта в значительной мере ориентировано ретроспективно.⁵¹ Те, кто пишут о российских реформах 1980-х и 1990-х годов, подчас ищут, скорее, ответ на вопрос «кто виноват?», нежели на вопрос «что делать?».

Так или иначе, период радикальной экономической и политической модернизации России, начатый в 1985 году, был завершён с концом XX века. События 2000-х и начала 2010-х годов не слишком изменили (по крайней мере, пока) контуры экономического и политического строя, сформировавшегося в ходе трансформаций 1980-х и 1990-х годов, и в этом отношении утверждение о том, что процессы российской модернизации в 2000-2010-е остановились почти что там же, где их завершили «семидесятники» в конце 1990-х,⁵² не выглядит преувеличением. Однако история не стоит на месте, и новый виток реформ зачастую происходит под воздействием новой смены поколений. В скором времени «семидесятники» начнут испытывать все возрастающее со временем давление со стороны уже своих «детей», сформировавшихся в 1990-е и 2000-е годы, и все активнее предъявляющих спрос на отказ от нынешнего статус-кво и на перемены в экономике, политике и обществе. И не приходится сомневаться в том, что различия идей и приоритетов поколений вновь, как и в 1980-е и 1990-е годы, могут оказать немалое влияние на характер и направленность перемен в России.

⁵¹ См., например: Шестидесятники; Эпоха Ельцина; Змеиная горка; Кох А., Авен П. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013;

⁵² Подробнее см., в частности: Травин Д. Очерки новейшей истории России; Aslund A., Op. cit.; Treisman D. Op. cit.

Таблица 1. «Шестидесятники» и «семидесятники»: идеи, стиль, приоритеты и стратегии реформ 1980-х и 1990-х годов в России

	«Шестидесятники», реформы 1985-1991 годов	«Семидесятники», реформы 1991-1999 годов
время становления личностей	«оттепель» 1956-1968	«застой» 1968-1985
Общественная атмосфера периода формирования личностей	общественный подъем, надежды на прогресс	общественный спад, цинизм, лицемерие
темпы социальных процессов периода формирования личностей	динамизм, быстрые перемены	стагнация, сохранение статус-кво
вертикальная мобильность и карьерные шансы периода формирования личностей	высокая, возможности быстрой карьеры	низкая, медленный карьерный рост
индивидуальные качества наиболее ярких представителей поколения	романтизм	профессионализм, прагматизм, иногда – цинизм
значимость идей для формирования личностей	высокая (приоритет идей)	низкая (приоритет интересов)
набор господствующих идей	социализм с человеческим лицом, расширение прав и свобод граждан, государственное регулирование экономики	отказ от социализма, либеральная рыночная экономика
горизонт планирования	средний; ориентация на «светлое будущее» с надеждой на его достижение в обозримом будущем	краткосрочный; отсутствие надежд на «светлое будущее», стремление добиваться целей «здесь и теперь»
отношение к советской экономической и политической системе	явная или неявная критика недостатков, попытка совершенствования	скрытое неприятие статус-кво в сочетании с попытками «встроиться» в систему
знакомство с зарубежным опытом экономических и политических реформ	низкое, почти нулевой интерес	частичное, несмотря на немалый интерес
основная форма публичной деятельности	публичные дискуссии о реформах	участие в реформах
приверженность идеям в ходе публичной деятельности	высокая; минимальная готовность к компромиссам	низкая; готовность к компромиссам ради достижения целей
цели публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам	дискуссии как самоцель	дискуссии как механизм подготовки решений
публичные способы выражения позиции по общественно значимым вопросам	до 1985 – «эзопов язык»; после 1985 – публичные дебаты	1985-91 – обсуждение проектов реформ, после 1991 – попытки их реализации
приоритеты повестки дня в ходе реформ	либерализация прежней политической и экономической системы и попытки ее улучшить	полный отказ от прежней политической и экономической системы и попытки ее заменить
ключевые аспекты реформ	демократизация, гласность, расширение прав и свобод	либерализация цен, финансовая стабилизация, приватизация предприятий

ориентиры в ходе реформ	ретроспективные; продолжение «оттепели» на новом витке истории	перспективные; поиск создания новой экономической и политической системы
подход к политическим и экономическим реформам («дилемма одновременности»)	политические реформы – приоритет, средство решения экономических проблем	экономические реформы – приоритет, решение политических проблем как более дальняя перспектива
стратегия в ходе реформ	быстрая, но частичная и непоследовательная демократизация, откладывание радикальных экономических реформ	радикальные преобразования экономики, длительный и глубокий трансформационный спад, отказ от демократизации и ее последующее сворачивание
эволюция идей в ходе реформ	минимальная	существенная и разнонаправленная
результат реформ для страны	успешный демонтаж прежней политической системы; полный крах экономики и государства	длительное и трудное, но в целом успешное создание рыночной (но не либеральной) экономики на фоне «мягкого» авторитаризма
результат реформ для реформаторов	провал, дискредитация и уход с политической сцены	неоднозначный; частичное сохранение позиций в элите